

этом четких критериев для принятия одного или другого решения не закрепляет. В такой ситуации возможно злоупотребление судьей своими полномочиями по различным мотивам.

Таким образом, злоупотребление правом может совершаться уполномоченным субъектом при реализации своего права. Однако субъект выходит за его пределы, осуществляет предоставленное ему право в противоречии с их целями и назначением уголовного судопроизводства, при этом он причиняет вред обществу и другим лицам.

Поскольку в уголовном производстве судья, дознаватель, следователь, прокурор являются должностными лицами, то необходимо говорить о злоупотреблении ими правами при осуществлении ими своих должностных полномочий.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что злоупотребление правом является сложной юридической конструкцией, включающей как деяния подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и других участников, не обладающих властными полномочиями, так и властной стороны (суд, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, руководитель следственного органа и т. д.).

Злоупотребление должностными полномочиями как факт злоупотребления правом представляет собой поведение суда (судьи), прокурора, следователя, дознавателя, руководителя органа дознания и других должностных лиц государственных органов в досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства, не нарушающее какой-либо конкретной специальной нормы права, однако противоречащее его назначению, и причиняющее или создающее угрозу причинения вреда охраняемым законом интересам личности, общества и государства.

УДК 341.231

К.Д. Сазон

О ТОЛКОВАНИИ ПОЛОЖЕНИЙ ст. 14 ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Правовая природа современного государства предопределяет необходимость формирования национального законодательства с учетом принятых и действующих международных стандартов. События последнего времени, вызвавшие возрастающий интерес широкой общественности к вопросам предоставления убежища отдельным политическим деятелям и активистам, еще раз подчеркивают актуальность проведения научных исследований по проблемам соотношения норм меж-

дународного права об убежище и их имплементации в национальные правовые системы.

В настоящей статье будут рассмотрены положения ст. 14 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., впервые на международном уровне закрепившей право убежища как право индивида. Полагаем, что обращение к указанным положениям будет способствовать уяснению правового содержания права убежища, что является необходимым условием разработки нормативных правовых актов, соответствующих международно-правовым стандартам.

Прежде всего отметим, в анализируемой статье Всеобщей декларации прав человека закрепляется, что каждый человек имеет право искать убежище от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем (ч. 1). Во второй части этой же статьи устанавливается запрет на возможность обладания данным правом лицами, преследование которых основано на совершении неполитического преступления или деяния, противоречащего целям и принципам ООН.

Несмотря на то что Всеобщая декларация не устанавливает обязанность государства по предоставлению убежища, в литературе подчеркивается особое место декларации в системе источников международного права и отмечается важность закрепления права хотя бы искать и пользоваться убежищем.

Анализ положений ст. 14 позволяет автору следующим образом прокомментировать ее правовое содержание. Впервые на международном уровне право искать и пользоваться убежищем (далее – право убежища) рассматривается как личное право индивида, которое, руководствуясь положениями Преамбулы Всеобщей декларации, следует относить к неотъемлемым правам человека. С точки зрения содержания право убежища состоит из возможности искать и пользоваться убежищем.

Декларация не предусматривает корреспондирующей обязанности государства по предоставлению убежища преследуемым лицам, что позволяет утверждать о наличии абсолютного права государства по определению оснований и порядка предоставления убежища.

Декларация устанавливает, что правом убежища можно воспользоваться только в случае преследования лица. Существенной особенностью такого подхода считаем отсутствие какой-либо конкретизации причин преследования, что позволяет рассматривать в качестве субъектов данного права не только политических и общественных деятелей, а любого человека, которому могут угрожать преследования. Следовательно, причиной преследования могут быть не только политические мотивы.

Преследование не должно являться следствием совершения неполитического преступления и деяния, противоречащего целям и прин-

ципам ООН. Из числа субъектов права убежища исключаются лица, преследуемые за совершение общеуголовных преступлений, а также за деяния противоречащие целям и принципам ООН (например, преступления против человечества, военные преступления).

Всеобщая декларация не определяет право убежища как исключительное право для политических преступников. Вместе с тем названные лица являются субъектами данного права. Использование в тексте декларации формулировки не политическое преступление позволяет сделать вывод о наличии политических преступлений и лиц, преследуемых за их совершение, которые обладают правом убежища. Представляется, что существование данного положения обусловлено особенностями исторического развития института убежища. Сегодня общеизвестно, что вопрос определения политического характера преступлений является предметом долгих дискуссий в научной среде. Ретроспективный анализ особенностей становления и развития института убежища показал, что политическую окраску право убежища приобрело в период Великой французской революции. Закрепление в ст. 120 Якобинской Конституции положения о том, что французский народ дает убежище иностранцам, изгнанным из своего отечества за дело свободы, предопределило на долгие годы вперед отношение к институту убежища, как праву невыдачи политических эмигрантов. Так, по мнению М.Д. Шаргородского, именно в то время зародилась идея невыдачи политических преступников.

Убежищем можно воспользоваться только на территории другого государства. Для реализации права убежища необходимо пересечение международной государственной границы. Еще раз подчеркнем, что государство не наделено обязанностью по предоставлению убежища. Возможность и порядок пересечения государственной границы устанавливается государством во исполнение своего суверенитета, верховенства и полноты власти над своей территорией. Кроме того, указание «на право искать и пользоваться убежищем в других странах» должно пониматься как признание невозможности предоставления убежища в местах, не являющейся территорией государства, его предоставляющего. Следовательно, убежищем можно пользоваться, находясь на территории, которая физически является составной частью территории государства и на которую распространяется его суверенитет в полном объеме. Поэтому считаем, что существование такой формы убежища, как дипломатическое, под которым понимается предоставление какому-либо лицу возможности укрыться от преследований по политическим мотивам в помещении иностранного дипломатического представительства или консульского представительства, а также на иностранном военном корабле, противоречит положениям декларации.

Таким образом, можно констатировать, что Всеобщая декларация прав человека является фундаментальным международным актом в сфере прав человека, закрепляющим право убежища, как личное право индивида, реализация которого зависит от воли государства, являющегося адресатом ходатайства о предоставлении убежища. Анализ правоустановлений, содержащихся в ст. 14 декларации, а также указанные ранее исторически обусловленные особенности становления и развития института убежища, позволяют назвать некоторые признаки, которые, по мнению автора, раскрывают содержание такого правового явления, как убежище.

Полагаем, что в числе таких признаков следует назвать защитный аполитический и кросс-границный характер убежища. Убежище обладает защитным характером, поскольку основным его предназначением является обеспечение личной и имущественной безопасности преследуемого лица. Убежище характеризуется аполитичностью в виду того, что обеспечивает защиту всех категорий преследуемых лиц независимо от их политических убеждений. Кросс-границный характер убежища детерминирован необходимостью нахождения лица, ходатайствующего о его предоставлении на территории другого государства, что сопряжено с пересечением государственной границы.

Таким образом, стоит еще раз подчеркнуть, что положения Всеобщей декларации выступают необходимым правовым основанием дальнейшего формирования не только международного, но и национально-го законодательства в сфере убежища.

УДК 343.721

Л.В. Саленик

ТАЙНА ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ: ОТ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ДО БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь является одним из основных прав человека, которое относится к международным стандартам. В ст. 12 Всеобщей декларации прав человека отмечается, что каждый человек имеет право на защиту закона от произвольного вмешательства в его личную и семейную жизнь, произвольного посягательства на тайну его корреспонденции. Сходной по содержанию является норма, закрепленная в ст. 28 Конституции Республики Беларусь. В частности, отражается, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений (тайну личной жизни).